
Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

РИМСКИЕ ДЕЯНИЯ И ПРИТЧИ ВАРЛААМА *

Римские Деяния (*Gesta Romanorum*), переведенные на Руси в последней трети XVII в. с не дошедшего до нас польского издания, включают 38 повестей (прикладов), по своей структуре и направленности близких древнерусской притче.¹ Вероятно, родство жанров, как и близость целого ряда сюжетов, способствовало популярности этого сборника среди русских читателей.

Некоторые произведения в итоге стали распространяться как в традиционной древнерусской версии, так и в редакции Римских Деяний (далее — РД). Это, в первую очередь, известные с домонгольских времен Жития Алексея человека Божия и Евстафия Плакиды, а также отмеченные еще А. Н. Пыпиным приклады, сходные с давно известными на Руси сюжетами: «Приклад о неблагодарности человеческой» («Благодарные звери»), «Приклад, яко не подобает женам в тайных делах верити» («Папирий»), «Приклад о хитрости диаволстей и яко судьбы Божия неиспытанны и скрыты суть» (Повесть о пустынноике и ангеле).² К ним следует добавить «Приклад о папе Григории», повесть о котором существовала на Руси уже в первой половине XVII столетия, и «Приклад о цесаре Иовениане», сближающийся с русскими повестями о гордом царе.

Существует и еще ряд рассказов, входящих в РД, близость которых традиционному репертуару древнерусской книжности менее очевидна. Речь в первую очередь должна идти об известнейших притчах Варлаама из Повести о Варлааме и Иоасафе.

Впервые о сходстве этих сюжетов с *Gesta Romanorum* писал А. И. Кирпичников. Выражая сомнение в происхождении Повести от индийского сказания о Будде, ученый стремился показать, что целый

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (грант 03-04-00401а).

¹ См.: Ромодановская Е. К. Притча и приклад: взаимовлияние и эволюция жанров // Проблемы литературных жанров. Томск, 1999. Ч. 1. С. 25—31.

² См.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 195—197.

δὴ αἱ εἰσὶ τὰ πᾶσα ἐϋαὸν, ἢ ἰαίτε ποιδίῦ, «ἰαυεῖε ἰαῖοαῖε» αἰεῖεῖ ἰαῖ αἰ-
δα, αἰε εἰοιδίῦ ἰα ἰαῖοαῖοπῦ ἰε ἰαῖ ἰαῖοαῖε ἰαῖοαῖε — ἰαῖοαῖε — ἰαῖοαῖε
ἰαῖοαῖε ἰαῖ ἰα ἰαῖοαῖε, ἰαῖ εἰ ἰα ἰαῖοαῖε πᾶσα ἐϋαὸν οἰα ἰαῖοαῖε — ἰαῖοαῖε
ἰαῖοαῖε.³

Концепция Кирпичникова сразу по появлении была раскритикована А. Н. Веселовским,⁴ придерживавшимся мнения о восточной прародине большинства мировых сюжетов; авторитет великого ученого повлиял, как пишет И. Н. Лебедева, на то, что многие интересные соображения харьковского профессора вызвали незаслуженно пренебрежительное отношение к ним и выпали из истории изучения «Варлаама и Иоасафа».⁵

Между тем для понимания судеб переводных памятников на Руси, истории их освоения и «внедрения» в собственно русскую литературу очень важно увидеть их перекличку с местной традицией – на уровне идей, сюжета, жанра, стилистики.

К XVII в. Повесть о Варлааме и Иоасафе давно уже перестала восприниматься как факт переводной литературы. Многочисленность ее списков, особенно притч, вошедших в прологи еще в XII в., созданные тогда же русские обработки притч из Повести⁶ несомненно свидетельствуют об очень раннем усвоении и затем восприятии этого произведения как «своего», русского, исконного для национальной литературы. Поэтому перекличка сюжетов РД с притчами Варлаама вполне может расцениваться как перекличка между традиционными и вновь принесенными на Русь сочинениями.

Из 38 прикладов, входящих в текст русских РД, близость к притчам Варлаама обнаруживают три:⁷ «Приклад о пожитку, о патронности во всех вещех» (о золотом яблоке), «Приклад о страшнем последнем суде всем грешным» и «Приклад, чтобы мы лакомства остерегались немилостиваго» (о скупом кузнеце).⁸ При этом ни один из них не совпадает буквально с текстами Повести, но родство их представляется несомненным.

Наиболее близки по сюжету Приклад о золотом яблоке и пятая притча Варлаама, в прологе под 22 ноября названная «Поучение о животе и о смерти».⁹ В центре повествования в обоих текстах царь некоего града, избираемый на год; этот год он живет в славе и богатстве, но затем его изгоняют с престола, лишают всего имущества и отправляют на пустынный

³ Кирпичников А. И. Греческие романы в новой литературе: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков, 1876. С. 218—260.

⁴ Веселовский А. Н. Византийские повести и Варлаам и Иоасаф // ЖМНП. 1877. № 7. С. 122—154.

⁵ Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1985. С. 15.

⁶ Там же. С. 72—85.

⁷ А. И. Кирпичников, опиравшийся не на русский перевод, а на издание латинского текста *Gesta Romanorum* (*Oesterley H. Gesta Romanorum*. Berlin, 1872), нашел больше параллелей между притчами Варлаама и *Gesta*, но их проверка — тема другой работы.

⁸ См. издание: Римские Деяния (*Gesta Romanorum*). СПб., 1878. Вып. 1—2. С. 211—216, 220—225, 297—300.

⁹ Повесть о Варлааме и Иоасафе. С. 163—164.

остров, где он умирает в муках от голода и стужи. Однако очередной избранник, по Повести — «разума много и промышленности имы в себе», а по Прикладу — просвещенный заезжим королевичем, узнав законы города, заранее отправляет в место будущего заточения многие сокровища и живет там безбедно.

Между двумя памятниками совпадает только эта общая схема, хотя именно она определяет главный смысл рассказа и дальнейшее толкование. Детали значительно расходятся. Прежде всего, сюжет о царе на год в РД поставлен в особую рамку — повествование о золотом яблоке, которое мудрый король завещал своему сыну с распоряжением отдать его самому «шаленому» (от польского *szalony* — «безумный»). Обойдя многие страны и государства, королевич приходит в город, где встречает «короля на год» и дарит ему яблоко. В Повести же рассказ вводится, как и прочие притчи Варлаама, в качестве нравоучительного примера в беседах с Иоасафом.

Не совпадают и более мелкие эпизоды. Если в Повести прямо говорится, что горожане избирают королем «чюжа некоего мужа», то в Прикладе чужеродное происхождение короля может лишь подразумеваться, поскольку он не знает местных обычаев. Если в Повести подробно описывается положение сосланного на остров (нагота, отсутствие пищи, злая стража), то Приклад ограничивается кратким сообщением: «...отнимают у него честь и богатство и изгоняют его из земли, и тамо злою смертию умрет». Сходным образом в Повести подробно описывается, какие именно богатства царь отправил на остров; в Прикладе царь просто говорит: «...пошла великия сокровища прежде мене в заточение. Как буду изгнан, тогда имам готово же то живление, дондеже буду жив”. И сотворил тако».

Расходятся и символические толкования текста. Повесть сосредоточивает внимание на городе («град убо разумей суетнаго сего мира») и горожанах — бесах, искушающих людей богатством; в Прикладе в центре поучения «король, который един токьмо год королюет» и «может речен быти всяк человек», за грехи посылаемый «на выгнание, сиречь до ада». Итоговое поучение, впрочем, сходно: необходимо совершать добрые дела, чтобы обеспечить себе в будущем жизнь вечную.

А. И. Кирпичников отмечает, что «в *Gesta* <...> эта притча изложена близко к подлиннику с некоторыми сокращениями <...> и слабыми изменениями».¹⁰ По-видимому, под словами «близко к подлиннику» исследователь понимает зависимость рассказа *Gesta* от Повести о Варлааме и Иоасафе.

Если Приклад о золотом яблоке сближается лишь с одной притчей Варлаама, то «Приклад о страшнем последнем суде всем грешным» объединяет мотивы двух — о трубе смерти¹¹ и о инороге.¹²

¹⁰ Кирпичников А. И. Греческие романы... С. 244.

¹¹ Повесть о Варлааме и Иоасафе. С. 131—132. В Прологе под 28 ноября («Слово о притчах святого Варлаама о богатых и убогих»).

¹² Повесть о Варлааме и Иоасафе. С. 160—161. В Прологе под 19 ноября («Притча святого Варлаама о времени семь вец»).

Начало Приклада несомненно ориентировано на притчу о трубе смерти. В обоих случаях действуют два лица – царь и его брат, который по желанию вельмож и князей (притча) или панов и рыцарей (приклад) просит у государя дать объяснение его поступкам: в притче царь поклонился встреченным на дороге нищим, в прикладе он остается грустным во время всеобщего пира. В обоих случаях царь обещает дать ответ утром и, в соответствии с установленным им обычаем, посылает к дому брата трубачей, которые возвещают смертный приговор обвиненному.

Брат в траурных одеждах является к царю, и с этого момента рассказы расходятся. В притче повествование продолжено сюжетом о четырех ковчегах, который в другом виде тоже нашел отражение в РД (в Прикладе о скупом кузнеце); таким образом завершается начало притчи (встреча царя с нищими). В Прикладе о последнем суде эпизод с нищими отсутствует, сюжет о трубе смерти соединяется с сюжетом, напоминающим притчу о инороге: брата сажают над глубокой ямой «на утлом велми столе», который разрушится при малейшем движении, над ним привязан острый меч на тонкой нити, вокруг стоят четыре воина с мечами, готовые пронзить его в любой момент. После этого брат понимает, почему царь грустен, поскольку следует толкование, по смыслу сходное с Повестью, хотя символический смысл вкладывается совсем в другие предметы: в обоих случаях упоминаются «четыре состава», из которых состоит человек (в Повести — змеиные головы, в прикладе — столец с «четырьмя ногами велми тонкими»), смерть, вечно преследующая людей (инорог — и меч на тонкой нити), ров как мир, полный опасностей, и яма как «дол адский».

Сюжет «Приклада о страшнем последнем суде всем грешным», но без эпизода с трубачами, возвещающими о смертном приговоре, встречается еще в одном переводном сборнике того же времени: в «Великом Зерцале» (далее — ВЗ) по второму переводу читается глава «Како подобает бояться суда Божия милосердый некий царь научи».¹³ Отличие по сравнению с РД состоит лишь в том, что ров не просто выкопан, но насыпан «угля горящаго до половины», и нет мотива первоначального пира — царь просто «никогда же в животе своем весел бысть, ниже когда ослабися». В остальном, при полном различии текстов, рассказы РД и ВЗ чрезвычайно близки. Это отмечал еще П. В. Владимиров в исследовании о ВЗ.¹⁴ Наличие этого сюжета в двух западноевропейских сборниках, переведенных на Руси независимо один от другого, несомненно свидетельствует о распространении сюжета в европейских средневековых литературах.

С притчей Варлаама этот сюжет объединяет общее представление о человеке над бездной, которая толкуется как источник бед и мучений. Образ смерти переносится с инорога на меч, что, возможно, более характерно для европейского средневековья, и в целом сюжет Приклада

¹³ Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 218—219.

¹⁴ Владимиров П. В. Великое Зерцало (Из истории русской переводной литературы XVII века). М., 1884. С. 27—28.

более «человечен» — там действуют не столько животные, как в притче (инорог, мыши, дракон, змеиные головы), сколько люди (четыре воина с мечами), а животные вообще не упоминаются.

Притча о инороге известна в мировой литературе во многих вариантах. По-видимому, и в *Gesta* она представлена разными версиями, поскольку А. И. Кирпичников упоминает главу, автор которой ссылается на Варлаама и которая продолжена рассказом о друге, предложившем человеку лестницу для спасения (по толкованию, это Христос).¹⁵ В русских РД подобного повествования нет.

Наконец, «Приклад, чтобы мы лакомства остерегались немилостиваго» (о скупом кузнеце) сближается с Повестью о Варлааме и Иоасафе лишь одним эпизодом — определением воли Божьей с помощью трех «креплей» (сосудов), один из которых наполнен землей, другой костями, а третий деньгами. Сходным образом в Притче о трубе смерти царь предлагает вельможам выбрать один из четырех ковчегов: в двух, обложенных золотом, лежали «кости мертваго смердяща», другие же два, измазанные «смолою и пеклом», были наполнены «камык честных и бисер многоценных».

Мотив этот чрезвычайно распространен в мировой литературе и фольклоре. А. И. Кирпичников приводит большое количество примеров из разных средневековых литератур,¹⁶ именно на этом мотиве доказывая отсутствие связи между Повестью о Варлааме и Иоасафе и индийскими сказаниями (в других случаях, как уже говорилось, исследователь находил прямые заимствования из Повести в главах *Gesta Romanorum*).

Сопоставление русских текстов РД и Повести о Варлааме и Иоасафе вряд ли ответит на вопрос о генезисе этих памятников. Однако отмеченные расхождения как в сюжетном, так и в символическом (толкования) плане позволяют предположить, что это произведения на один сюжет, имеющие разное происхождение.

---

¹⁵ Кирпичников А. И. Греческие романы... С. 233.

¹⁶ Там же. С. 226—232.